

“Сейчас намного радикальнее не раздеваться”. И кто это сказал? Художник Олег Кулик. Тот самый, которого не менее скандальный Бреннер водил на поводке по Москве? А Кулик, абсолютно голый, лаял, кидаясь на прохожих, катался, как настоящий пес, по грязи. И в холод, и в дождь, и в снег.

КУЛИК ПОЛУЧИЛ В ГЛАЗ

**Художнику
досталось
от девушки
с железным
клювом**

Черный зал Центра Мейерхольда. Народу битком. На слабо освещенной сцене — палитра и зачем-то воткнутая прямо в пол лопата. Лопата интриговала. “Он что, будет ею бить зрителей?” — перешептывалась публика. Студенты провинциальных театральных вузов, которым на фестивале “Территория” решили показать легендарного и самого скандального перформансиста, ждали чего угодно. Вместе с ними действо пришли смотреть и маститые арт-критики: а ну как застоявшийся и почти обуржуазенный Кулик вдруг выкинет что-нибудь этакое, из прошлого. Голым под куполом зала пролетит и обрушится на головы зрителей, как он уже однажды делал. Или лопатой кого перерубит.

И тут на сцене возникает он. В шалочке-“презервативчике”, с окладистой бородой моджахеда, в очках на носу. И тихим голосом тибетского гуру начинает рассказывать студентам о том, зачем в начале 90-х зарезали бедную хрюшку:

Мастер
за работой.

— Вы еще в ясли ходили, а тогда Верховный Совет единогласно проголосовал за смертную казнь. Даже Сахаров. Мы, художники, возмутились. И решили показать людям, что такое смерть. Взяли свинью, позвали профессиональных мясников, и они все мастерски сделали — на глазах зрителей. Зрители рыдали, художники плакали, вокруг — три ряда ОМОНа. Ору было столько — но никто не орал, когда депутаты голосовали. И никто не орет, когда эту самую свинину жрет. А тогда вопль свиньи встряхнул художников и установился контакт со зрителями. Вот что такое суть перформанса.

Звонкий голос из зала: “А зачем вы голым по улицам бегали? Чтобы выделиться?” “Выделиться, выделиться, — нараспев повторяет Кулик. — Какое странное слово. — И продолжает: — Когда я творю, я всегда раздеваюсь. Вот он я как есть, ничего наносного, ничего лишнего, как природа создала. Сейчас я покажу психоаналитический перформанс “Кулик Кулику глаз выклюет”, — художник переходит на шепот: — Мне раздеться?” “Да — нет”, — зал разделился пополам. Юная девушка, не выдержав, со словами “все вы дураки” вихрем промчалась по сцене мимо Кулика и вышла вон. Тем временем Олег надевает на голову пристяжной клюв, вставляет туда кисточку и начинает обводить красной краской собственный портрет на стекле. Собственно, это старый перформанс, показанный в середине 90-х в Риге. Тогда все закончилось “скорой помощью” и больницей — разбивая собственное изображение головой, Кулик сильно порезал руку. Сейчас от художника все ждали какого-то хода. А Кулик, действительно похожий на птицу в своем странном уборе, вещал в микрофон, который опирался на черенок лопаты (так вот для чего она была нужна!): “Нет конфликта. Все сыто, гладко. Хочется скандала. Уже год ничего не делаю — не о чем”. Заканчивает рисовать и обращается к публике: “Кто хочет изничтожить этого гада?” “Я!” — с ближнего ряда встает крепко сбитая девчонка, решительным шагом поднимается на сцену, позволяет надеть на себя прибор и одним махом врывается железным клювом в стеклянного (и живого, поскольку это видеоизображение) Кулика. Прямо в глаз! Звон стекла, шум в зале. Перформанс закончен. Девчонка получает кусок стекла со следами краски и автографом знаменитого художника — ценнейшая, между прочим, вещь: Кулик теперь очень дорог. А театральная публика — массу новых ощущений. Это вам не венгерские члены. Это, блин, искусство.

Марина ОВЦОВА.